

ПРАВОСЛАВІЕ,

КАКЪ ЕДИНАЯ ВЪ МІРѢ

ИСТИННАЯ И СПАСАЮЩАЯ РЕЛИГІЯ.

Публичная лекція, читанная въ недѣлю Православія
въ библ. св. Владиміра.

Проф. А. Царевскаго.

КАЗАНЬ.
Тино-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1894 годъ.

Подъ этими святыми сводами древняго храма *православнаго*¹⁾, въ нынѣшній торжественный день праздника *Православія*, считаю наиболѣе умѣстнымъ и благовременнымъ занять вниманіе *православныхъ* слушателей, сюда собравшихся, бесѣдою о *Православіи*. Святое христіанское Православіе, составляя все содержаніе, всю полноту *вѣры* нашей, въ то же время есть и неисчерпаемый источникъ *знанія*, безусловно важнѣйшій предметъ человѣческаго вѣдѣнія. Не смотря на то, что вслѣдъ за боговдохновенными апостолами, раскрывшими намъ основы нашего вѣроученія, множество святыхъ отцевъ и учителей церковныхъ, великихъ богослововъ, людей высокаго ума и просвѣтленнаго знанія, проникали мыслию и сердцемъ своимъ въ содержаніе Православнаго вѣроученія, а также въ таинство его жизни и неисповѣдимыхъ судебъ на землѣ; не смотря на то, что въ Православіи нашемъ, кажется, уже ничего болѣе нѣтъ для насъ темнаго, скрытаго, невыясненнаго и неустановленнаго,—все таки, какъ непрелож-

¹⁾ Библіотека св. Владиміра помѣщается въ древнемъ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Казани.

ная богооткровенная истина и единая спасающая человека въ міръ сила, святое Православіе всегда пребудетъ для сознанія человѣческаго необъятнымъ богатствомъ просвѣщенія, неизсякаемымъ источникомъ благоговѣйнаго размышленія и сердечнаго назиданія. — Настоящую бесѣдою я имѣю въ виду, не касаясь всѣмъ намъ хорошо извѣстной сущности и содержанія Православнаго вѣроученія, обратить вниманіе на знаменательнѣйшую *исторію* Православія на землѣ и только напомнить по-истинѣ чудодѣйственную его силу и вліяніе въ жизни человѣчества, ближайшимъ образомъ въ жизни нашей православной отчизны.

Вся многовѣковая исторія Православія раскрываетъ намъ на своихъ страницахъ одно изъ очевиднѣйшихъ и непререкаемо-убѣдительныхъ доказательствъ той великой для человѣчества истины, что оно-то именно, наше святое Православіе, и есть единая въ міръ истинная религія, которая всегда пребывала подъ особенно-промыслительнымъ водительствомъ Божиимъ, — религія, открытая Самимъ Богомъ, угодная Богу и спасительная людямъ.

Имя *Православія*, т. е. праваго, правильнаго вѣрованія въ Бога, истиннаго христіанства, усвоено нашему вѣроисповѣданію приблизительно около VIII вѣка, съ того времени, когда отъ единаго, истиннаго христіанства отдѣлились вѣроисповѣданія не истинныя, христіанство неправое, человѣческими заблужденіями искаженное. Такимъ образомъ, *имя* Православія упрочилось

сравнительно поздно, но то, что этимъ именемъ называется, т. е. само-то Православіе, Православное христіанство, очевидно восходитъ къ самому началу и основанію христіанства на землѣ, къ Самому Христу Спасителю.

Останавливая вниманіе на имени нашего Православнаго вѣроисповѣданія, нельзя не замѣтить, что и самое это имя является знаменательнымъ, полнымъ осмысленнаго значенія. Какъ названіе и всякаго вообще предмета, имя религіознаго вѣроученія естественно должно возможно точнѣе и вѣрнѣе обозначать сущность самаго ученія или выдавать очевиднѣйшее, самое характерное свойство его, должно служить первымъ, наиболѣе нагляднымъ и возможно мѣткимъ показателемъ качествъ этого ученія. Самыя употребительныя и извѣстныя наименованія западныхъ христіанскихъ исповѣданій, какъ напр.: *церковь латинская, англиканская, исповѣданіе лютеранское, протестантское, кальвинское* — нисколько не характеризуютъ сущности предмета, не опредѣляютъ внутренняго качества своихъ вѣроисповѣданій; всѣ эти названія, напоминая только имена цѣлыхъ народовъ или отдѣльныхъ лицъ, уже этимъ самымъ *знаменательно выдаютъ только именно земное образованіе тѣхъ вѣроисповѣданій, по крайней мѣрѣ — слишкомъ дѣятельное участіе въ нихъ элемента чело-вѣческаго.*

Выше ихъ стоитъ имя *католичества*, т. е. каѳолическаго вселенскаго христіанства; но однако, въ той части христіанскаго общества, которая желаетъ себя прикрывать этимъ именемъ, послѣднее является оче-

видно теперь совершенно ложнымъ, фальшивымъ и незаконнымъ: въ примѣненіи къ христіанамъ, завѣдомо отдѣлившимся отъ вселенской церкви, фактически извратившимъ и продолжающимъ все больше и больше извращать древнее вселенское, католическое христіанство, имя католиковъ является также *знаменательною только такъ сказать уликкою ихъ отступничества, конечно безсознательнымъ, но очевиднымъ—въ устахъ ихъ—самообличеніемъ.*

Одно только *Православіе* уже однимъ своимъ наименованіемъ свидѣтельствуетъ о внутреннемъ достоинствѣ своего христіанства, объ его чистотѣ и непорочности. Одно только это высокое имя — *Православный* (= *ὀρθόδοξος*), т. е. правильно думающій, правильно мыслящій о вѣрѣ, правовѣрующій, такимъ образомъ точно обозначаетъ вѣрнаго ученика Христова, истиннаго христіанина. Образовавшись не случайно или умышленно, а такъ сказать произнесенное самою исторіею христіанства, когда отъ него отдѣлилось и отпало все неистинное, все, что не право, не православно, имя это *знаменательнѣйшимъ образомъ называется теперь только тѣхъ, которые, по слову Апостола, суть „сограждане святыхъ и свои Богу“, которые „утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ и имѣютъ Самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ“* (Еф. II, 19—20).

Христіанство, на первыхъ порахъ исключительно истинное, всецѣло и нераздѣльно Православное, въ свѣтѣйшей личности и въ устахъ его Божественнаго Осно-

вателя, явилось въ самое ужасное время на землѣ, въ дни самага рокового состоянія человѣчества. Отъ вѣка обѣтованное, явилось оно именно какъ благодарованный якорь спасенія потерявшему правый путь жизни человѣчеству, явилось какъ небесный маякъ, свѣтомъ истиннаго знанія и боговѣдѣнія озарившій міръ земной, погибавшій въ непроглядной пучинѣ умственной и нравственной тьмы, въ неисходномъ мракѣ лжи, пороковъ и заблужденій. То была безпросвѣтная пора или слѣпого человѣческаго самообольщенія, безумно-горделиваго самообожанія, или — безнадежнаго отчаянія человека въ себѣ и своихъ силахъ, пора крайняго умственного и нравственного растлѣнія. Весьма характерно два представителя тогдашняго человѣчества открыто и рѣшительно исповѣдали это ниспроверженіе самыхъ даже основъ правды, добра и истины въ человѣческой жизни. Устами извѣстнаго Брута весь главенствовавшій тогда на землѣ міръ римскій сказалъ: „Добродѣтель, ты — пустое слово!“ Но и гордое, пытливое знаніе, которымъ болѣе всего жило древнее человѣчество, гордый умъ, которымъ пуще всего оно кичилось, потеряли свой авторитетъ, устойчивость, къ себѣ довѣріе. Устами Пилата на судѣ Христовомъ древній міръ не безъ горечи, но уже только иронически воскликнулъ: „что есть истина?“ — окончательно убѣжденный, по опыту многихъ вѣковъ блужданій человѣческаго ума, въ томъ, что отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ, что отвѣтъ потерянъ и для человека уже невозможенъ. Итакъ, не было уже болѣе въ мірѣ красоты сердца человѣческаго — *добродѣтели*, не было и кра-

соты ума человѣческаго—*истины*. Человѣкъ потерялъ въ себѣ и для себя все и божественное и человѣчное,—мiръ остался безъ всякаго божества. Искра знанія истиннаго и святаго боговѣдѣнія таилась только въ малозамѣтной для мiра Гудеѣ,—только тутъ поддерживалось сѣмя вѣры въ обѣтованнаго Мессію. Въ лицѣ этихъ послѣднихъ исповѣдниковъ богооткровеннаго заветъ ветхаго, все человѣчество ожидало искупленія сверхъестественнаго, весь мiръ чаялъ обновленія божественнаго.

По исполненіи предопредѣленнаго отъ вѣка времени, и снизошло это божественное искупленіе и помощь человѣчеству, совершилось это небесное мiра обновленіе. Снова возсіяли на землѣ, казалось безвозвратно погребенные и потерянные, вѣковѣчные идеалы человѣчества — истина, правда и добро. Какъ бы въ отвѣтъ на ироническое замѣчаніе Пилата—возможна ли такая истина, развѣ есть она?—сама вѣчная Истина, снизшедши съ небесъ, торжественно объявила изумленному, во всемъ и въ концѣ извѣрившемуся, а потому даже и воспротивившемуся очевидности, человѣчеству: „Я есмь Истина!“ Какъ бы въ отвѣтъ на мысль и слова Брута, что самое понятіе добра потеряно, добродѣтель уже превратилась въ пустое слово, что стало быть ужъ болѣе невозможна человѣчная, добрая и нравственная жизнь, сама Жизнь вѣчная, явившаяся на землѣ, торжественно провозгласила мiру: „Я есмь жизнь: Мною, если кто и умеръ, оживетъ!“ Такъ восстановлена была снова связь земнородныхъ съ ихъ небесною отчизною, утвержденъ новый заветъ Бога

съ человѣкомъ. Такъ возсіяло на землѣ, постепенно, болѣе и болѣе собою ее объемля и осѣняя, божественное христіанство, святое Православіе, богооткровенное знаніе.

Божественнымъ снисхожденіемъ въ христіанствѣ обновленъ былъ весь погрязшій въ пучинахъ зла и порока міръ; Божественнымъ милосердіемъ искуплены были отъ вѣчности мученій всѣ, отъ вѣка хранившіе въ себѣ искру вѣры въ помощь Божію, въ грядущаго Мессію Искупителя. Божественнымъ человѣколюбіемъ не лишены были и всѣ мы, еще тогда небывшіе, возможности вкусить эту высшую сладость *бытія*; даровано было и намъ, еще не существовавшимъ, верховное счастье *существованія, жизни, жизни временной на землѣ и вѣчной на небѣ*. Призванные въ новый завѣтъ съ Богомъ, мы получили только несравненно большую, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ человѣчествомъ, возможность вѣрою въ Мессію уже пришедшаго, въ спасеніе уже очевидное, уже содѣянное, создавать себѣ счастье вѣчной жизни и безконечнаго блаженства. Такимъ образомъ, Православнымъ христіанствомъ весь міръ былъ обновленъ, но не уничтоженъ; даровано спасеніе всему и прежде бывшему и послѣдующему человѣчеству, но не положенъ предѣлъ роду человѣческому. Не измѣненнымъ пока, до втораго Христова пришествія, остался и весь порядокъ міровой и человѣческой жизни. Съ одной стороны духъ злобы, лишенный отселѣ всецѣлой силы и власти надъ человѣкомъ, не былъ сраженъ окончательно и оставленъ еще въ возможности сѣять въ мірѣ свои плевелы; съ

другой стороны и человѣкъ, получившій полную возможность спасенія, не былъ измѣненъ въ своемъ существѣ и природѣ: ему оставлена его свобода, вольная направляться къ добру и ко злу, на путь спасенія и на путь гибели. Въ мудрыхъ цѣляхъ Божественнаго промысленія о человѣкѣ, эта неполнота побѣды надъ зломъ явилась обнаруженіемъ и высочайшей правды и безмѣрной милости,—на крестѣ Христовомъ именно „милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася“. Истина и правда требуютъ, чтобы человѣкъ, нераскаянный во грѣхѣхъ, отвергающій даже и Божественную, дарованную ему въ христіанствѣ помощь, по дѣламъ своимъ заслуженно и справедливо погибалъ безвозвратно. Милость же и миръ обнаруживаются въ томъ, что человѣку оставлена полная возможность и *своимъ, самостоятельнымъ и сознательнымъ подвигомъ* управлять свою свободу на сторону добра, преодолѣвать соблазняющій его въ жизни грѣхъ, побѣждать такимъ образомъ и *своими силами* духа злобы, достигая чрезъ то высокихъ степеней земной святости и небеснаго блаженства.

Итакъ, до втораго, послѣдняго и царственнаго пришествія Христова на землю, сатана, находя послушное себѣ орудіе и вѣрнаго союзника въ свободѣ людей порочныхъ и нераскаянныхъ, продолжаетъ свое погибельное дѣло. Усиліями его достигнуто то, что множество людей, наперекоръ всякой очевидности, вопреки всѣмъ явѣ свершившимся прообразованіямъ и пророчествамъ, вопреки всѣмъ чудодѣйственнымъ знаменіямъ, удостовѣрившимъ Божество Спасителя Іисуса

Христа, не увѣровали въ Него, отвратились отъ Него, даже безпощадно и мучительно поругались Ему. Усилями того же духа злобы и послѣ, и теперь еще цѣлыя массы человѣчества пребываютъ или въ упорномъ невѣріи, или, даже и вѣруя въ Спасителя, сдаются въ сторону различныхъ лжеученій, болѣе или менѣе существенно искажающихъ Божественную чистоту истиннаго, Православнаго христіанства. Сколько еще всякихъ ложныхъ религій и вѣроученій доселѣ омрачаютъ лицо земли! Сколько даже и въ нѣдрахъ самого христіанства есть всяческихъ раскольниковъ, сектантовъ, еретиковъ, наконецъ просто суетумудрыхъ лжепророковъ и лжеучителей, которые дерзаютъ критически относиться къ христіанству, его судить, осуждать и по своему исправлять, реформировать?!

Но смущаться ли однако этимъ православному христіанину?—Нѣтъ, все это—и прежде бывшее, и въ наши дни совершающееся, предъ нашими глазами существующее—все это такъ именно и должно было случиться, потому что все это еще девятнадцать вѣковъ тому назадъ было открыто намъ Божественнымъ предвѣдѣніемъ. Самъ Божественный Основатель христіанства, ясно предвидя судьбу своего спасительнаго завѣта въ человѣчествѣ, съ глубокою скорбію о нераскаянныхъ, сказалъ: „Не миръ принесъ я въ міръ, но мечъ“ (Мѣ. X, 34). Этотъ мечъ и есть истинное, Православное христіанство, которому предстояло и до конца міра предстоитъ бороться съ несовершенствомъ и заблужденіями человѣческими. Еще понятнѣе и откровеннѣе для насъ выразили тоже и святые апостолы,

Великій Апостолъ языковъ Павелъ и первоверховный Апостолъ Петръ согласно предсказали, что настанутъ времена, когда „нѣціи отступятъ отъ вѣры“, что „будутъ лживіи учителя, ихъ же ради путь истинный похулится“ (1 Тимое. IV, 1; 2 Петр. II, 2). Такимъ образомъ, существованіе заблужденій, ересей, лжеучителей, столь свойственныхъ извращенной природѣ человѣческой, даетъ только новое, сверхъ несмѣтнаго множества другихъ, доказательство божественности христіанства, только лишнее еще и поразительно-точное исполненіе боговдохновенныхъ предсказаній.

Считаю совершенно излишнимъ распространяться о томъ, изъ чего и какъ сложилось наше Православное вѣроисповѣданіе. Для всѣхъ не только насъ, православныхъ, а и неправославныхъ должно быть вѣдомо, что сложилось оно на основѣ Божественныхъ откровеній и наученій самого Спасителя, „во вся дни до скончанія вѣка“ духовно пребывающаго съ церковію право вѣрующихъ въ Него, и—изъ Божественныхъ внушеній Святаго Духа, также „пребывающаго съ нами во вѣкъ“ (Іоан. XIV, 16) и „научающаго всему иставляющаго на всяку истину“ (ст. 26; XVI, 13). Подъ водительствомъ Духа Святаго дѣйствовали, учили и писали свои боговдохновенныя книги святые апостолы; вдохновляемые и просвѣщаемые Духомъ Святымъ учили и писали свои великія творенія святые отцы и учителя церкви; подъ охраною Духа Святаго сберегалось и сберегается священное преданіе; наконецъ, „изволися Духу Святому“, точно формулировались наши православные символы, составились церковныя каноны, сло-

жились соборныя опредѣленія. Изъ такихъ источниковъ возникшая и при такой помощи и воздѣйствіи сложившаяся, такую всемогущею небесною силою охраняемая и управляемая, вѣра Православная и есть величайшая святыня на землѣ, предопредѣленный „образъ здравыхъ словесъ“, великая сила Божія во спасеніе человѣковъ. По слову святителя Димитрія Ростовскаго, вѣра Православная „Спасителю нашему обручена, ангелами почтена, пророками украшена, апостолами прославлена, мучениками и исповѣдниками вознесена“ ¹⁾. Съ полнымъ сознаніемъ истины и правоты своихъ словъ святая церковь наша, на сегодняшнемъ торжествѣ Православія еще разъ повторивши православное свое исповѣданіе, торжественно провозгласила: „сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра каѳолическая, сія вѣра вселенную утверди!“

Но какую страшную исторію, полную самыхъ, казалось, неотвратимыхъ препятствій и губительнѣйшихъ ударовъ, должно было пережить наше святое Православіе! Какими только адскими силами міръ земной не вооружался противъ его небесной святыни! Не нужно, конечно, напоминать здѣсь первоначальную исторію христіанства на землѣ, потому что кому же изъ насъ не извѣстенъ этотъ сплошной рядъ мученій, гоненій, кровавыхъ преслѣдованій исповѣдниковъ Христа?! кто изъ насъ еще съ дѣтства не содрогался отъ представленія леденящихъ сознаніе цѣлыхъ потоковъ крови

¹⁾ Хр. Чт. 1842 г. IV ч. 315 стр.

христіанской, буквально напоившихъ собою землю?! Нѣтъ жестокости, нѣтъ мучительства, какихъ звѣрство людское и злоба адская не примѣняли бы—вслѣдъ за Самимъ Божественнымъ Основателемъ христіанства—и къ Его вѣрнымъ послѣдователямъ. Сотнями, тысячами избивались христіанскіе мученики; не одинъ разъ предпринимались попытки истребить всѣхъ христіанъ поголовно. Казалось бы, нѣтъ никакой возможности спастись христіанству въ этомъ адѣ возставшей противъ него страшной злобы; казалось бы, что самое имя христіанства должно было безслѣдно исчезнуть съ лица земли....

Но ни силы ада, ни тѣмъ менѣе силы человѣческія не могли побѣдить всемогущества Божія, отвратить милосердія небеснаго, поколебать человѣколюбія Божества. Правы оказались слова еще ветхозавѣтнаго пророка, что „истина Господня *пребудетъ* во вѣкъ“. Тѣмъ болѣе не ложно слово самого Спасителя, что скорѣе „небо и земля прейдутъ, *слова же Моя не мимо идутъ*“. Всякое насиліе, всякое зло, причиненное христіанству, являлось только новою и новою силою, споспѣшествующею ему: чѣмъ болѣе большая возникала предъ нимъ опасность, тѣмъ болѣе проявлялась въ немъ внутренняя сила. Злѣйшее изъ золъ земныхъ, въ мысли нашей не укладывающееся преступленіе міровое—*богоубійство* послужило къ созданію самого фундамента христіанства: крестъ Христовъ, облитый потоками святѣйшей крови Господней, и утвердилъ новый завѣтъ Бога съ человѣчествомъ—завѣтъ христіанства. Кровь святыхъ мучениковъ явилась самымъ живымъ и плодотворнымъ

сѣменемъ къ распространенію и возвеличенію христіанства. Быстро и невѣроятно успѣшно растетъ тѣло церкви Христовой; цѣлыя мѣстности, области, присоединяясь къ вѣрѣ въ Распятаго, становятся знаменательнѣйшими трофеями торжествующаго надъ всякими насиліями и притѣсненіями христіанства. И скоро уже, видимъ мы, изъ слабаго, гонимаго, позоримаго, христіанство становится и сильнымъ и могущественнымъ и покровительствуемымъ—въ качествѣ религіи господствующей, государственной. Такимъ образомъ, къ чему же привели всѣ *внѣшнія гоненія и физическія насилія* надъ христіанствомъ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ первыхъ вѣковъ его жизни такъ беспощадно-жестоко терзавшія его и такъ упорно-настойчиво тяготѣвшія надъ нимъ? Они привели только какъ разъ къ противоположному результату: къ *полному упроченію именно внѣшней силы и физическаго могущества* христіанства!

Тогда устремляются на христіанство иныя силы и противодѣйствія; возникаютъ новыя опасности для него уже съ другой стороны и въ другомъ направленіи, опасности, еще гораздо болѣе страшныя для чистоты и цѣльности Православія. Возникаютъ гоненія не физическія, не внѣшнія и матеріальныя, а внутреннія, духовныя и нравственныя, на самое вѣроученіе христіанское; возникаютъ уже въ вѣдрахъ самого христіанства одна за другою ереси и расколы, направленные злобою адскою очевидно къ тому, чтобы поразить сущность христіанства, подорвать довѣріе къ нему, въ крайнемъ случаѣ обезсилить, распатать его. Но въ это время Промыслъ Божій воздвигаетъ изъ среды

христіанскаго общества могущественныя духовныя силы, въ лицѣ всему міру извѣстныхъ великихъ отцевъ и учителей христіанскихъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ съ желаемою только полнотою и предусмотрительною всесторонностію изъяснили Божественное ученіе Православнаго христіанства и изобличили всевозможныя и бывшія и могущія быть ереси. Во главѣ съ этими великими столпами Православнаго ученія собираются великіе соборы христіанскіе, вселенскіе и помѣстные, на которыхъ именно „по изволенію Духа Святаго“, вѣчно живущаго въ церкви, точно и непрерываемо изложены символы праваго вѣроученія. Такимъ образомъ ереси и расколы, повидимому подрывавшія христіанство въ нѣдрахъ его самого, способствовали только тому, что всестороннѣ опредѣлялось и точнѣ формулировалось именно Православіе христіанское; по мѣрѣ возникновенія новыхъ и новыхъ заблужденій и лжеученій, все старательнѣ обезопасивалась истина отъ искаженій, все болѣе и болѣе исключалась возможность ересей. Итакъ, къ чему же привело *внутреннее, духовное насиліе* надъ христіанствомъ, терзавшее его въ теченіе слѣдующихъ четырехъ столѣтій его исторіи? И оно знаменательнѣйшимъ образомъ привело какъ разъ къ противоположному и при всей злостности намѣреній къ благостному результату: *къ внутреннему именно укрѣпленію, къ духовному торжеству* христіанства!—Словомъ, вся первоначальная исторія Православнаго христіанства свидѣтельствуетъ, что во всякое время благопотребное, Промыслъ Божій то и тѣмъ болѣе усиливаль въ Православіи, что и чѣмъ

сильнѣе ложь земная старалась въ немъ извратить, подорвать, уничтожить.

Но быть можетъ самая страшнѣйшая изъ страшныхъ опасность Православному христіанству еще предстояла впереди: послѣднее, что только и оставалось въ возможности — это противопоставить христіанству сразу всѣхъ враговъ его и внутреннихъ и внѣшнихъ, направить противъ него одновременно насиліе и физическое и духовное.

И это послѣднее усиліе адской злобы, ратующей на Бога и на образъ и подобіе Его — на человѣка, не замедлило обнаружиться въ послѣдующее время христіанской исторіи, особенно съ конца IX столѣтія. Не входя въ подробное описаніе положенія церкви Христовой за это страшное и многознаменательное время, напомнимъ только, что въ эту пору цѣлая половина міра христіанскаго, западная, уклонилась отъ Православія, стала на путь цѣлаго ряда еретическихъ заблужденій, такъ существенно выдѣлившись изъ вселенской Православной церкви церковь такъ называемую католическую, латинскую. А въ довершеніе бѣдствій, за этимъ внутреннимъ самораздѣленіемъ церкви Христовой, приспѣла и гроза внѣшняя: именно та, восточная, половина міра христіанскаго, которая осталась неуклонно-вѣрною хранительницею чистаго апостольскаго Православія, постепенно лишается всякой силы, быстро теряетъ свою самостоятельность и наконецъ совсѣмъ подпадаетъ власти турокъ. Православіе христіанское оказалось сразу въ двойномъ ярмѣ, двоякой опасности съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, извнѣ, отдѣлившаяся поло-

вина церкви, оставшаяся свободною, независимою и могущественною, всякими происками и интригами грозить самой сущности Православнаго ученія, всячески силится и востокъ совратить къ своему еретическому единомыслию; а съ другой стороны—у себя дома, на востокѣ, внѣшнее насиліе турокъ постановило непреодолимую преграду христіанскому просвѣщенію, наложило невыносимыя оковы на Православную церковь. Подъ гнетомъ дикаго изувѣрнаго народа, подорвано было все, вѣками накопившееся и матеріальное и умственное, духовное богатство и благосостояніе православныхъ грековъ; замолкло свободное и образованное греческое слово, насильственно остановленъ былъ правильный ростъ церкви Христовой, и изъ красоты и гордости европейскаго человѣчества, изъ носителя и провозвѣстника для всего міра просвѣщенія православно-христіанскаго, грекъ постепенно превращается въ жалкое, забитое существо, въ столь хорошо извѣстный намъ и доселѣ типъ обнищавшаго и одичавшаго, во всѣхъ отношеніяхъ „раззореннаго“ грека. Устоятъ ли этому, теперь несчастному племени, за свою стойкость въ Православіи отверженному могущественнымъ западнымъ христіанскимъ міромъ, устоятъ ли ему въ Православіи? Сохранить ли, сберечь ли ему, одному, безъ поддержки, у него только одного спасенную для міра незапятнанную истину Христову? По-истинѣ время настало страшное, опасность для Православія воздвиглась роковая!

Но „истина Господня“, принесенная на землю самимъ Сыномъ Божиимъ и запечатлѣнная Его смертію

крестною, „пребываетъ во вѣкъ“, и всякое возстаніе на нее только еще больше и еще яснѣе обнаруживаетъ ея нечеловѣческую, неземную силу и непоколебимую жизненность. Въ мудрыхъ цѣляхъ Провидѣнія Божественнаго допущено было это двоякое и, казалось, смертное испытаніе церкви Православной, но однако привело оно не къ смерти, а какъ разъ наоборотъ, къ новой жизни, новой силѣ и новой славѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по естественнымъ человѣческимъ соображеніямъ, предстояло что нибудь одно изъ двухъ: или Православная церковь греческая должна была подчиниться западной, своею жизнію туда именно перейти, т. е., иначе говоря, погубить свое Православіе въ ереси католичества, или же, не измѣняя истинѣ, погребсти жизненность и дѣятельную силу свою у себя дома, подъ гнетомъ турецко-мусульманскимъ. Вышло однако ни то и ни другое, а вышло третье, т. е. нѣчто совершенно неожиданное, новое, совсѣмъ въ человѣческія, земныя соображенія и не входившее: въ это страшное, роковое для Православія время, какъ бы чудодѣйственно, какъ бы изъ ничего, Господь воздвигаетъ новый кивотъ для своего завѣта, новый ковчегъ для сохраненія міру своей святыни,—воздвигаетъ изъ совершенно безвѣстнаго, дотолѣ невѣдомаго и дикаго племени могущественную народность, изъ которой также вдругъ, сразу, также какъ бы чудодѣйственно, и образуетъ свою вѣрную церковь. Эта новая народность—наша славяно-русская; этотъ новый кивотъ новаго завѣта Господа съ человѣчествомъ—наша церковь Православно-русская.

Взявши отъ грековъ вѣру, образованность, законодательство, главные основы жизни общественной и семейной, Россія, это дитя православной Константиновой Византіи, а по окончательномъ паденіи послѣдней — непосредственная преемница ея, законная наслѣдница ея духовныхъ богатствъ, и стала дѣйствительно *второю Византією*, явилась достойнымъ убѣжищемъ Православія и твердымъ оплотомъ православно-христіанскаго просвѣщенія.

Но и здѣсь, въ новой своей колыбели, Православіе не могло быть свободнымъ отъ козней, тревогъ и опасностей. И внѣшнія испытанія, какъ на примѣръ въ цѣлыя столѣтія монгольскаго ига, въ годы междоусобицъ, во время борьбы съ Польшею, Литвою и пр., и внутреннія колебанія, въ формѣ нѣкоторыхъ ересей, раскола и лжеученій, часто нарушали и доселѣ еще нарушаютъ мирное царство церкви Православной на русской землѣ. Но всѣ эти обстоятельства, да и вся вообще исторія Россіи, какъ нигдѣ и никогда, явственно свидѣтельствуютъ объ одномъ, что *Православіе всегда спасало Русь, какъ съ своей стороны Русь всегда самоотверженно отстаивала свое святое Православіе*. Въ этомъ отношеніи Россія въ исторіи цѣлаго человѣчества представляетъ явленіе по-истинѣ знаменательное и въ высокой степени поучительное: такого разительнаго примѣра столь неразрывнаго взаимодѣйствія жизни и безопасности государственной съ жизнію и безопасностію церковной, какъ видимъ здѣсь, не даетъ намъ еще никакая исторія и ни одного народа. Впрочемъ, о судьбѣ Православія въ Россіи и о силѣ его значенія

здѣсь—рѣчь впереди¹⁾; теперь же ограничиваюсь только ссылкой на этотъ *историческій фактъ* полной сохранности на Руси святой чистѣйшаго христіанскаго Православія съ самаго перваго усвоенія его и доселѣ.

Итакъ, девятнадцать уже столѣтій святое Православіе христіанское освѣщаетъ землю. Многимъ кознямъ и опасностямъ, какъ видѣли, оно подвергалось, но и тѣмъ бѣльшими усиліями оно всегда охранялось, отстаивалось, тѣмъ большую силу, мощь и жизненность оно въ себѣ проявляло, и въ этой своей многовѣковой исторіи стало теперь еще почтеннѣе, и—если только такъ можно выразиться—еще для насъ стало святѣе и дороже. Не смотря на всяческія, насилія, гоненія и противодѣйствія, въ результатѣ девятнадцативѣковой жизни Православія на землѣ имѣется не гибель, даже и не порча только, не искаженіе его, а полная сохранность въ первоначальномъ, еще апостольскомъ и святоотеческомъ его содержаніи и видѣ. То же ученіе, только еще точнѣе выясненное и опредѣленнѣе сформулированное, просвѣщаетъ души и наполняетъ сознаніе вѣрующими; та же обѣтованная Спасителемъ благодать Духа Святаго оствѣняетъ святыню церкви Православной и дѣйствуетъ въ таинствахъ, въ обрядахъ ея.

Мало того, даже внѣшность, обыкновенно всего болѣе подвергающаяся измѣненію въ жизни, и она въ Православіи, какъ учрежденіи Божественномъ и волѣ

¹⁾ См. отдѣльную брош. «Православіе и Русь святая», Казань, 1894 г.

человѣка не подлежащемъ, остается какъ бы независящею отъ времени и въ общемъ пребываетъ вѣковѣчно неизмѣнною. Только развѣ за очень немногими, совсѣмъ ничтожными и *отнюдь не существенными* исключеніями, та же внѣшняя обстановка въ храмахъ, въ богослуженіи, въ церковной жизни вѣрующихъ поддерживаются доселѣ, что была еще и въ первые дни христіанства. Войдите въ храмъ православный и вы очутитесь въ особомъ царствѣ, именно не отъ міра сего современнаго; очутитесь въ условіяхъ жизни давно минувшей, въ обстановкѣ первыхъ вѣковъ христіанскихъ. Самое зданіе храма и все расположеніе въ немъ составныхъ частей и наполняющихъ его предметовъ нагляднѣйшимъ образомъ переноситъ въ первоначальную исторію христіанства. Всюду въ храмѣ стоятъ иконы—изображенія самого Спасителя, Его Пречистой Матери, святыхъ апостоловъ, святыхъ отцовъ и учителей церковныхъ, угодниковъ Божіихъ: все это основоположники Православія, все это явные, какъ бы и сейчасъ живые, да дѣйствительно и доселѣ дѣйствующіе нерѣдко въ чудотвореніяхъ свидѣтели святѣйшей христіанской старины. Вся обстановка богослужебная, утварь, облаченія и разныя принадлежности, какъ напр. воздухи, кадилы, фиміамъ, свѣтильники, просфоры и пр. — все это такъ живо воскрешаетъ въ сознаніи нашемъ первые дни христіанскихъ богослуженій. Священнодѣйствующія въ храмѣ лица обязательно получили право и благодать священства отъ епископа, который самъ преемственно получилъ ее отъ святыхъ апостоловъ; такъ что всякій священникъ, всякій діаконъ нашъ

православный имѣть безусловно непрерывную исторію того таинственнаго потока благодати, который снизошелъ на него въ посвященіи, — каждый обязательно имѣть такъ сказать прямымъ духовнымъ родоначальникомъ своимъ, чрезъ посредство цѣлаго преемственнаго ряда святителей, именно того или другого святого апостола.

Вслушайтесь въ то, что читается и поется въ нашихъ храмахъ: тутъ читается Псалтирь и другія ветхозавѣтныя священныя книги, которыми услаждались и назидались вѣрующіе еще въ дни самого Христа и въ Его присутствіи; тутъ читаются и новозавѣтныя священныя книги, такъ живо и такъ дѣятельно переносящія вниманіе наше къ лицамъ, временамъ и событіямъ, отъ которыхъ и началось наше Православіе; читаются тутъ молитвы и поются гимны—все произведенія высокой христіанской мысли и чистаго вдохновенія великихъ въ исторіи нашего Православія лицъ и все съ тѣмъ же исконно древнимъ и строжайше православнымъ содержаніемъ христіанскимъ, даже вѣроятно и съ подобнымъ напѣвомъ, какъ молитвы и пѣснопѣнія первыхъ христіанъ.

Всмотритесь наконецъ въ то, что происходитъ въ храмѣ православномъ. Тутъ совершаются цѣльныя богослуженія — вечерни, всенощныя, часы и пр.: все это только точнѣе формулированныя въ своемъ составѣ молитвенныя бдѣнія первыхъ христіанъ; тутъ совершается божественная литургія: это — совершенная самимъ Господомъ Его святѣйшая тайная вечеря. Въ совершеніи таинствъ, обрядовъ, богослуженій, все отъ

перваго слова до послѣдняго движенія напоминаетъ о глубокой христіанской древности, свято и неизмѣнно доселѣ сохраняемой. На литургіи, напр., вы слышите цѣлыя эктеніи объ оглашенныхъ,—что это такое, кто это такіе оглашенные? Давно уже они стали невѣдомы, уже много вѣковъ прекратился самый этотъ институтъ оглашенныхъ; но онъ когда-то, въ первыя столѣтія христіанства существовалъ, за оглашенныхъ тогда молились—и мы доселѣ слышимъ провозглашаемыя на литургіи за нихъ эти древнія моленія. Такъ поразительно строго, такъ неуклонно хранить наша Православная церковь святыя завѣты апостольскихъ и святоотеческихъ преданій, уставовъ и обычаевъ, въ такой мѣрѣ ненарушимо бережетъ она святыню первоначальной православно-христіанской старины!

Итакъ, исторія Православія, даже при самомъ бѣгломъ и мимолетномъ взглядѣ на нее, уже даетъ намъ разительныя и очевиднѣйшія доказательства его божественности и неповрежденности. Свидѣтельствуя о вѣдомомъ всему міру происхожденіи Православія отъ самого Христа, Сына Божія, исторія развертываетъ предъ нами знаменательную картину многовѣковой жизни Православія, превозмогшаго всякія земныя насилія и адскія козни, и доселѣ въ неприкосновенности сохранившаго свою первоначальную чистоту, цѣлостность и святость. Но вѣдь помимо этихъ, такъ сказать, *внѣшнихъ* признаковъ, мало ли въ самомъ Православіи *внутреннихъ* доказательствъ его рѣшительнѣйшаго превосходства надъ всѣми человѣческими религіями, дока-

зательствъ его именно божественнаго величія и совершенства, какъ для всей земли единственно праваго и спасающаго вѣроисповѣданія?!

Напримѣръ, это со всею возможною только для человѣка ясностію и полнотою раскрытое ученіе догматическое о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, объ отношеніи человѣка къ Богу и т. д.; это со всею только возможною для земли выотою раскрытое нравственное ученіе, этотъ, напримѣръ, основной законъ христіанской вѣры и жизни, законъ любви, невѣроятный въ мірѣ своекорыстія и эгоизма, уничтожающій звѣря въ человѣкѣ и созидающій въ человѣкѣ святое подобіе Бога, и т. д., — словомъ, все это великое, дотолѣ невѣдомое и развѣ только величайшими умами лучшихъ людей смутно предполагаемое и предчувствуемое, все, чѣмъ христіанство удивило и поразило міръ, чѣмъ оно побѣдило мудрость міра сего, все это прежде всего и чище, цѣлостнѣе, вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, хранится въ нашемъ Православіи. Впрочемъ, не о превосходствѣ вообще христіанства предъ другими религіями, въ чемъ убѣжденъ давно уже весь просвѣщенный міръ и чего не отрицаютъ не только вѣрующіе, а даже и невѣрующіе люди, хочу вести здѣсь рѣчь; я хочу обратить вниманіе на превосходство Православія предъ другими христіанскими же исповѣданіями, на его неоспоримую, единственную правоту въ ряду и этихъ послѣднихъ. Правда, для насъ, имѣющихъ несказанное счастье принадлежать къ Православію, это уже и такъ выше всякихъ сомнѣній и не требуетъ никакихъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе для всякаго вообще хри-

стіанина поучительно бросить хотя бы даже мимолетный взоръ на другія христіанскія исповѣданія. Изъ сопоставленія съ ними еще рельефнѣе выступаетъ чистота и несравненное превосходство Православія, еще убѣдительнѣе обнаруживается, какою величайшею святынею Господь наградилъ насъ, православныхъ, и какою безцѣнною драгоценностью владѣемъ мы въ нашемъ Православіи.

Отъ единства съ вселенскою церковію прежде всего отдѣлилась церковь западная, которая, усвоивъ себѣ названіе католичества, противопоставила и противоплагается нашему Православію. Отнюдь не намѣренъ пускаться, такъ сказать, въ принципиальное рѣшеніе вопроса объ истинности или неистинности католичества; отнюдь не хочу доказывать лживость его заблужденій, новоизмышленность и, значитъ, человѣческое происхожденіе новыхъ догматовъ, которыми оно отдѣлилось отъ Православія. Доказать все это не составило бы никакого труда, тѣмъ болѣе, что стоящее обокъ съ католичествомъ наше непоколебимо вѣрное апостольскому и древле-вселенскому христіанству Православіе есть слишкомъ могущественный свидѣтель этой лжи католичества и обличитель его заблужденій. Но доказывать этого даже и ненужно, стоитъ только взглянуть на само католичество—съ чего оно началось и въ какомъ теперь видѣ состоитъ, чтобы убѣдиться, какъ ложь сама себя обличила, какъ *неправда солга себѣ* (Пс. XXVI, 12).

Въ самомъ дѣлѣ, разъ ставши на путь заблужденій, какъ, незамѣтно для себя, далеко ушла уже въ этомъ направленіи западная церковь! Начавъ только съ нѣ-

сколькихъ немногихъ догматическихъ отступленій отъ вселенскаго Православія, католичество можетъ похваляться теперь цѣлою новоизмышленною догматикою, въ которой, какъ своего рода перлы человѣческаго лжемудрствованія, въ глаза бросаются нѣкоторыя ужъ слишкомъ явно небожественныя по своему происхожденію и ужъ слишкомъ корыстно-человѣчныя догматы. Не говоря на примѣръ о догматѣ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, ученіи о чистилищѣ, не говоря о лишеніи вѣрующихъ святѣйшей крови Христовой въ таинствѣ причащенія, объ опрѣснокахъ, о безбрачїи духовенства и т. д., благочестивая вѣрующая душа христіанина воистину изумляется напр. ученію католичества о свѣтскомъ главенствѣ папы, возмущается индугенціями католическими, т. е. продажею по таксѣ отпущенія грѣховъ, прошедшихъ и даже будущихъ, причемъ люди бѣдные, очевидно, уже только за бѣдность свою лишаются столь легкой для богатыхъ возможности спасенія; вѣрующая душа не можетъ не возмущаться на примѣръ еще такъ недавно измышленнымъ догматомъ католическимъ о непогрѣшимости папы — вопреки и здравому смыслу и слову Божію, утверждающему, что человѣкъ не можетъ быть безгрѣшенъ, „аще и единъ день житія его“, и что только единъ Богъ безъ грѣха; и т. д.

Мало того, обогащаясь внутри себя, въ содержаніи своемъ, все новыми и все очевиднѣе выдающими заблужденіе человѣческое ученіями, уцѣлѣло ли католичество въ томъ видѣ и составѣ, въ какомъ было оно тогда, когда самонадѣянно отдѣлилось отъ вселенской

церкви Православной, гордостно выдавая себя за истинное христіанство, за католичество? О, нѣтъ и слишкомъ нѣтъ! Предоставленное уже себѣ, лишенное Божественнаго промысленія, на слабой и ненадежной человѣческой опекѣ, какому расколу оно не подвергалось и какихъ сектъ, какихъ дробленій внутри себя не испытало?! Прежде всего отдѣлилось отъ него протестантство, потомъ явилось реформатство, затѣмъ являются кальвинисты, раціоналисты, квакеры, анабаптисты, янсенисты, англикане, старо-католики и т. д., и т. д..... И всѣ эти секты католическія не имѣютъ и тѣни подобія напримѣръ нашимъ раскольническимъ толкамъ. Послѣдніе блуждаютъ только во тьмѣ умственной и есть исключительное порожденіе невѣжества; съ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ нашемъ, они безусловно и навѣрно падутъ сами собою, — ихъ, собственно говоря, нужно не увѣщать, а просвѣщать, не обличать, а обучать. Совсѣмъ не то секты католичества: они и росли-то съ ростомъ просвѣщенія, и увеличиваться стали потому, что образованный человѣческій разумъ не могъ мириться съ крайностями и заблужденіями католичества; многіе именно изъ умнѣйшихъ людей запада, то или иное отвергая въ католичествѣ, начали постепенно, больше и больше отъ него отпадать, отдѣляться. И въ будущемъ безчисленные сектанты католичества, въ своихъ естественныхъ усиліяхъ отыскать религіозную истину, скорѣе придутъ подъ сѣнь Православія (что дѣйствительно теперь уже и случается), но никогда, безъ сомнѣнія, не вернуться въ лоно навсегда для нихъ подорваннаго въ

своемъ авторитетѣ католичества. Многія секты западной церкви уже превращаются мало по малу въ чистѣйшій раціонализмъ, въ невѣріе; всѣ онѣ продолжаютъ взаимную между собою борьбу, лишаютъ тѣмъ сами себя послѣдней доли своего вѣса, авторитета, народнаго къ себѣ уваженія. Взаимная рознь и непріязнь сокрушаютъ взаимно ихъ силы и разными путями влекутъ западный міръ христіанскій къ мраку скептицизма, къ постепенной потерѣ христіанства, которое собственно уже давно тамъ искажено и подорвано, къ потерѣ вообще вѣры, всякой религіи. И теперь уже большинство просвѣщеннаго западнаго человѣчества если поддерживаетъ христіанство, то только лицемерно, по имени, совсѣмъ утративъ вѣру въ его божественность и спасительность; и теперь уже есть цѣлыя государства на западѣ Европы, которыя необинуясь отрицаются открыто отъ своего христіанства, изгоняютъ и изъ школъ и изъ жизни всякую религію. Такъ воистину „неправда солгала себѣ“, заблужденіе избличило само себя, погубило себя!

Разъ отдѣлившись своевольно и самонадѣянно отъ вселенской православной истины и допустивъ явныя нарушенія послѣдней, западный христіанскій міръ въ тысячелѣтіе своей osobной жизни постепенно лишился сдерживающаго авторитета истины и теперь въ массѣ большинства своего совсѣмъ теряетъ истину,—такимъ образомъ оказывается на пути къ гибельнѣйшему духовному паденію. Безъ религіи въ людяхъ нѣтъ и не можетъ быть истинной, прочной и одуховоренной нравственности; теряя съ религією въ себѣ все божеское

и человѣческое, насильственно омрачая въ себѣ образъ Божій, при видимомъ даже можетъ быть блескъ земной культуры, люди совершенно естественнымъ путемъ превращаются только въ самыхъ умныхъ и оттого еще болѣе опасныхъ звѣрей, которые какъ бы инстинктивно мстятъ за свое духовное униженіе и, являясь тягостными для себя, еще болѣе страшны бываютъ для другихъ. Самый узкій эгоизмъ, самое крайнее своекорыстіе становится единственнымъ закономъ ихъ поведенія, безчеловѣчіе и жестокость—ихъ убѣжденіемъ и правиломъ дѣйствованія. И не видимъ ли мы теперь въ жизни западно-европейскаго человѣчества уже явныхъ знаменій этого страшнаго порядка жизни? Не превращается ли теперь на нашихъ глазахъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе большинство западно-европейскихъ христіанъ въ какія-то бездушныя, ходячія только машины, всѣ таланты свои зарывающія въ землю и только въ земное, всѣ силы и способности свои посвящающія на служеніе исключительно только эгоизму, корысти, наживѣ, прибыли? Не замѣчаемъ ли мы тамъ уже такъ быстро и такъ страшно ширящееся господство безчеловѣчія, звѣрства, жестокости, заявляющихъ себя во всѣхъ этихъ революціяхъ, крамолахъ, стачкахъ, анархическихъ злодѣйствахъ, безсмысленныхъ убійствахъ, безцѣльныхъ взрывахъ и т. д. и т. д.?!

Таково ужасное состояніе, къ которому приходитъ теперь, на нашихъ глазахъ, западный, къ сожалѣнію, почти что только называемый такъ „христіанскій“ міръ.

А *исторія*, которая напрімѣръ у насъ, на православно́мъ востокѣ, является непрекаемымъ свидѣтелемъ неповрежденной чистоты и нераздѣльной цѣлости нашего Православнаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно могущественнымъ союзникомъ Православія, эта исторія, въ отношеніи къ западному христіанству, является какъ разъ наоборотъ, злѣйшимъ его врагомъ, неопровержимымъ и опаснѣйшимъ изобличителемъ. Не говоря уже о сохраняемомъ въ этой исторіи памятованіи перваго незаконнаго и неправаго отпаденія католичества, вся дальнѣйшая исторія послѣдняго сколько хранитъ на страницахъ своихъ преступнаго, грѣховнаго, совсѣмъ нехристіанскаго! Сколько и какихъ злодѣяній не было тамъ совершено изъ-за религіи, какихъ только насилій и злоупотребленій не допущено было надъ святымъ именемъ христіанства! Церковь мира и любви вооружается тамъ мечемъ, совершители безкровной жертвы военачальствуютъ на кровавомъ полѣ; рыцари и такъ даже называемые „крестоносцы“ совершаютъ возмутительныя насилія и разбойничаютъ подъ предлогомъ распространенія святой вѣры! Инквизиція, при одномъ воспоминаніи о которой содрогается душа христіанина, „во имя Христа“ превзошла всякое мучительство, всякую жестокость, когда либо виданная землею! Іезуиты на вѣки оставили по себѣ самую позорно-печальную и заслуженно-ненавистную память; гугеноты во Франціи, анабаптисты въ Германіи, кальвинисты въ Нидерландахъ поражали міръ своимъ буйствомъ и своеволіемъ. Такіе ужасы и жестокости, какъ напрімѣръ Варёоломеевская ночь, доселѣ остаются безпримѣрными въ исторіи

человѣчества. Наконецъ, сами недосыгаемыя для обыкновенныхъ смертныхъ „непогрѣшимыя“ главы западнаго христіанскаго міра, достойнѣйшіе представители католическаго клира и своей паствы, папы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій служили дѣйствительно едва достигаемымъ образцомъ нравственной распущенности и порочности. Ихъ наприимѣръ „семидесятилѣтнее авиньонское плѣненіе“, т. е. невѣроятное погрязаніе въ сладострастіи и всяческихъ порокахъ; ихъ „папскій расколъ“ (1378—1409 гг.), когда два или три папы одновременно, какъ самые мелкіе соперники и низкіе интриганы, боролись изъ-за власти и громили другъ друга проклятіями; наконецъ господство въ теченіе цѣлыхъ столѣтій во всей вообще куріи католической такихъ пороковъ, о которыхъ „не лети есть и глаголати“,—все это такія темныя и позорныя страницы въ исторіи западнаго христіанскаго міра, подобныхъ которымъ не знаетъ исторія можетъ быть цѣлаго міра и никакой религіи.

Итакъ, исторія западнаго католическаго христіанства не только не поддерживаетъ и не оправдываетъ его, а едва ли не разительнѣе всего подтверждаетъ его самозванство: отъ дѣла его такъ легко познать его ложь, заблужденіе, отсутствіе въ немъ благодати. Удивительно ли, что западные христіане, по мѣрѣ большаго и большаго расширенія историческаго знанія, ближе знакомясь съ своимъ вѣроисповѣданіемъ въ его историческихъ судьбахъ, не находятъ въ своемъ христіанствѣ всѣхъ свойствъ и признаковъ истиннаго, божественнаго ученія, усматриваютъ въ немъ только какъ будто лишній поводъ многихъ преступленій въ

жизни своихъ предковъ, и — отказываются отъ него: или пытаются на разные лады, всякій по своему усмотрѣнію и разумѣнію, исправлять, очищать его, или же пробуютъ совсѣмъ опростать душу свою отъ религіи, силятся сдѣлаться атеистами?

Но вѣдь, съ другой стороны, не можетъ же чело-вѣкъ остаться безъ Бога: атеизмъ всегда былъ и будетъ аномаліею, уродствомъ въ душевномъ строѣ чело-вѣка. Если и дикіе дикари не могутъ обходиться безъ религіи, если доселѣ ни въ одной странѣ свѣта, ни въ какомъ племени, никакому путешественнику не уда-лось отыскать чело-вѣка, которому чужда была бы идея Существа Безконечнаго, который не искалъ бы Бога и такъ или иначе не воплощалъ бы для себя эту идею о Богѣ, въ той или иной формѣ не проявлялъ бы своего богопочтенія; то и новѣйшіе просвѣщенные атеисты, безъ сомнѣнія, тщетно затрачиваютъ неимо-вѣрныя усилія ума своего, чтобы истребить неистреби-мое, чтобы вытравить изъ души чело-вѣческой потреб-ность Бога, заглушить въ ней присущее ей стремленіе къ Богу. Самыя эти усилія ихъ доказать свое невѣріе, эта упорная борьба ихъ противъ Бога уже свидѣтель-ствуютъ, что, по существу, невозможно чело-вѣку осво-бодиться отъ вѣры, что безумна и тщетна эта насиль-ственная и упорно-святотатственная *борьба* съ такъ близкимъ чело-вѣку его Творцемъ и Промыслителемъ. И сколько разъ, въ самомъ дѣлѣ, исторія чело-вѣче-ская была уже свидѣтельницею того, какъ нѣкоторыя племена въ гордомъ ослѣпленіи или въ развратномъ отупѣніи своемъ отказывались отъ вѣры, но потомъ

тоскливо искали ее и снова успокаивались только найдя ее! Сколько извѣстно именъ отъявленныхъ атеистовъ, невѣровъ, которые однако откровенно признавались, что въ глубинѣ души своей они уважали религію и даже вѣровали, хотя всѣми силами и хотѣли не вѣровать!... Словомъ, религія неистребима, сколько бы ни вооружалась извращенная мысль чело-вѣческая противъ нея; она необходима для души чело-вѣческой—какъ воздухъ, какъ пища необходимы для тѣла. Гдѣ же она?

Съ тѣхъ поръ, какъ христіанство осѣнило землю святынею своего небснаго откровенія, чело-вѣчество—и вѣрующее и даже невѣрующее—давно уже признало и согласилось, что изъ всѣхъ вѣдомыхъ ему религій безъ сравненія высшая, святѣйшая и совершеннѣйшая есть именно религія христіанская. Но однако и въ христіанствѣ нѣтъ единства, и въ немъ расколъ, и въ немъ нѣсколько религій.... Если единъ есть Глава и Божественный Основатель христіанства Спаситель Христосъ Иисусъ, то едина должна быть и Его церковь истинная, едино должно быть истинное, правое христіанство Его. Гдѣ же оно? Тамъ ли, въ той ли половинѣ церкви христіанской, вѣроученіе которой представляетъ постепенное нарастаніе новоизмышленныхъ догматовъ, явно искажающихъ богооткровенную истину христіанства? Тамъ ли Христово, апостольское и каеолическое христіанство, гдѣ самые просвѣщенные представители и учителя вѣры, по ихъ собственному заявленію, „усилія направляютъ къ тому, чтобы устранить“ нѣкоторые древле-церковные символы, такъ какъ по-

слѣдніе не мирятся съ ихъ „просвѣщенной мыслию и кажутся невѣроятными“; гдѣ съ высоты кафедръ поучаютъ, что напримѣръ „принятіе апостольскаго символа въ его буквальномъ смыслѣ не можетъ считаться свидѣтельствомъ христіанской и теологической зрѣлости“; гдѣ въ замѣнъ апостольскихъ символовъ учителями христіанства, профессорами, выдумываются и „предлагаются“ символы новые, „наиболѣе соотвѣтствующіе *теперешнему* пониманію Евангелія“ — въ полной увѣренности, что эти въ новой редакціи предлагаемые символы „будутъ стоять выше древнихъ?!“¹⁾ Въ той ли половинѣ церкви истинное христіанство, исторія которой полна страницъ представляющихъ недостойную картину нравственныхъ паденій и преступныхъ издѣвательствъ даже надъ самымъ именемъ христіанства? Тамъ ли, наконецъ, эта вселенская „едина, святая, соборная и апостольская церковь“, гдѣ вѣроученіе Христово, „исправляемое“ соотвѣтственно вѣчно измѣнивому этому человѣческому „*теперешнему* пониманію“, совершенно естественно и неизбѣжно раздробилось на множество враждебныхъ и противорѣчивыхъ сектъ, во взаимныхъ распряхъ и препирательствахъ которыхъ „своя своихъ не познаша“? Или же истинное христіанство тамъ, въ той половинѣ христіанской церкви, вся исторія которой представляетъ одно только ревност-

¹⁾ Слова Гарнака, профессора теологіи въ Берлинскомъ университетѣ, полтора года тому назадъ, по поводу спора объ апостольскомъ символѣ сказанныя въ аудиторіи и потомъ напечатанныя въ берлинскомъ журналѣ «Христіанскій міръ», 1892 г. № 34. Подробный рефератъ объ этой статьѣ Гарнака см. въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1893 г. № 11.

ное усиліе спасти въ неприкосновенности Христово ученіе и апостольское преданіе, и которой, не смотря на всѣ козни, опасности, тревоженія жизненныя, дѣйствительно удалось сохранить эту вѣрность Христу и Его святымъ ученикамъ и апостоламъ?

Новозавѣтный пророкъ и боговдохновенный тайнозритель Іоаннъ Богословъ въ своемъ Апокалипсисѣ (XII гл.), рисуя прикровенно-образно будущую судьбу церкви Христовой на землѣ, пророчески видѣлъ жену, украшенную всѣми свѣтилами небесными: она облечена въ солнце, подъ ногами ея луна, а на главѣ ея вѣнецъ изъ звѣздъ; видѣлъ далѣе онъ, какъ змій отторгъ отъ нея третью часть звѣздъ небесныхъ.... Можно ли намъ, православнымъ, не узнать въ этихъ отторженныхъ звѣздахъ—несчастливыхъ западныхъ христіанъ, погибшихъ и погибающихъ чрезъ католическое отпаденіе отъ истиннаго христіанства, и трудно ли, съ другой стороны, *имъ* узнать въ этой женѣ вѣнчанной нашу истинно-христіанскую церковь Православную?!

И дѣйствительно, добросовѣстнѣйшіе *изъ нихъ* давно уже обращаютъ свое вниманіе на Православный востокъ, съ великимъ уваженіемъ говорятъ о Православіи, узнаютъ въ немъ истинное христіанство, а нѣкоторые изъ нихъ, оставя свое упорство, даже сами принимаютъ Православіе. Безъ всякихъ усилій съ нашей стороны (въ чемъ справедливо можно упрекать намъ, православнымъ, самихъ себя) безъ всякой намѣренной пропаганды, само Православіе, своею святою силою влечетъ и располагаетъ къ себѣ тѣхъ изъ западныхъ христіанъ и попреимуществу именно ученыхъ

богослововъ, которые имѣли случаи съ нимъ ознакомиться. Въ ряду этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемся съ именами столь извѣстныхъ католическихъ и протестантскихъ богослововъ, каковы: Гетте, Делингеръ, Мишо, Сентъ-Поль, Курси, Пьюзей, Ньюманъ, Пальмеръ, Вильямсъ, Кебль, Уатерландъ Ниль и др. Нѣтъ, конечно, возможности пересмотрѣть теперь сочиненія, въ которыхъ эти католики и протестанты такъ знаменательно и поучительно даже для насъ, православныхъ, въ самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ пишутъ о нашемъ Православіи, усматриваютъ въ немъ достовѣрнѣйшаго свидѣтеля истины Христовой, а иногда такъ и прямо — истинно-божественное, современное и однозначашее христіанству учрежденіе. Но рѣшительно трудно отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи привести хоть нѣкоторыя только строки изъ нѣкоторыхъ западныхъ сочиненій, гдѣ ужъ конечно безпристрастно и ужъ конечно непринужденно, единственно во имя правды и честности — правдиво и честно высказались неправославные о Православіи. Такъ напр., пасторъ Буассаръ, въ 1867 г. издавшій въ двухъ томахъ большое изслѣдованіе „Церковь Русская“, при всемъ его — какъ онъ предупредительно замѣтилъ для своихъ неправославныхъ читателей — стремленіи къ безпристрастію, не могъ скрыть уваженія и очевидной любви къ предмету своего изученія — къ церкви русской, за ея „величіе и святость“. Въ предисловіи къ своему труду, характеризующемъ вообще отношеніе его къ избранному предмету, онъ говоритъ: „Восточная церковь и главная отрасль ея — церковь русская — представляетъ

уму историка страницы, полныя интереса, высокіе уроки добродѣтели, благородныя преданія о христіанскомъ самоотверженіи. Здѣсь были мужи вѣры, неустрашимые миссіонеры, мученики и исповѣдники Христа. Восходя къ началу вѣковъ, остановимъ ли внимательный взглядъ на древнемъ Кіевѣ, колыбели вѣры русской, или на святомъ городѣ Москвѣ, посмотримъ ли съ удивленіемъ и вмѣстѣ уваженіемъ на благородныя черты такихъ пастырей, какъ Кирилль, Никонъ, Филиппъ-мученикъ, Гермогенъ, Филаретъ, такихъ аскетовъ, какъ Антоній, Θεодосій, Сергій, Зосима, такихъ государей, какъ Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Михайлъ Романовъ, столь многихъ мучениковъ и исповѣдниковъ всякаго возраста, пола и состоянія, — во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія миссій, іерархіи, догматовъ, христіанской жизни, дѣятельности монашеской и литературной, — изученіе русской церкви имѣетъ первостепенную важность“ ¹⁾. Учитель реформатскаго исповѣданія Боннекемпферъ въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ читалъ въ 1857 году публичныя лекціи „о Русской церкви“. Не рѣшаясь, какъ протестантъ, во всемъ соглашаться съ Православіемъ и все въ немъ одобрять, тѣмъ не менѣе онъ въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ о нашей Православной церкви. „Любезные братья! Церковь російская заслуживаетъ всего нашего вниманія!“ такъ началъ онъ свои чтенія, и далѣе съ истиннымъ можно

¹⁾ Библіографическая замѣтка о «Русской церкви» Буассара помещена въ Страники за 1868 г., май.

сказать умиленіемъ описаль предъ протестантскою публикою главнымъ образомъ внѣшнюю обстановку Православія: храмы, богослуженіе, обряды, празднества и т. д. „Посмотрите, между прочимъ говорилъ онъ, на ихъ (т. е. православные) храмы, на ихъ іереевъ, на ихъ обряды, послушайте ихъ пѣснопѣній, дышащихъ помазаніемъ свыше по содержанію и глубоко-умилительныхъ по звукамъ! Посмотрите на эту поразительнѣйшую набожность, съ какою народъ предстоитъ въ храмахъ или повергается на помость церковный предъ святынею таинства! Едва вступаете вы въ преддверіе ихъ церквей, какъ уже вѣетъ на васъ какой-то особенный духъ благоговѣнія... Святилище отдѣлено отъ церкви иконостасомъ, внушая всѣмъ мысль о возвышенности алтарной святыни, на которую не всякій способенъ взирать открытымъ лицомъ. Всѣ стѣны увѣшаны священными изображеніями: это нравученіе въ лицахъ!“ И т. д. Сопоставляя православную Россію съ своею неправославною отчизною, Боннекемпферъ отдаетъ рѣшительное превосходство первой за ея религіозность и благочестіе. Въ описаніи нѣкоторыхъ торжествъ православныхъ, особенно богослуженія пасхальнаго, онъ положительно приходитъ въ восторгъ, возвышается до поэзіи. „Увлекательно—заканчиваетъ онъ это описаніе—смотрѣть въ пасхальную ночь на куполь св. Петра въ Римѣ, еще восхитительнѣе смотрѣть изъ гондолы на церковь св. Марка въ Венеціи; но все это ничтожно въ сравненіи съ русскою пасхальною ночью!“¹⁾—Но безъ сомнѣнія самое

¹⁾ Отрывки изъ чтеній Боннекемпфера приведены въ статьѣ прот. В. Полисадова. Странникъ, 1860 г., сентябрь.

поразительное явленіе въ западной богословской литературѣ представляютъ сочиненія Овербека. Нѣмецъ, протестантъ, профессоръ и докторъ богословскихъ наукъ, Овербекъ въ 60—70-хъ годахъ нашего столѣтія издалъ въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ необычайно смѣло и горячо поднималъ голосъ во имя и въ защиту Православія предъ лицомъ западнаго міра. Добросовѣстное историческое изученіе привело этого нѣмца къ признанію правды и истинности православнаго востока, и онъ не устыдился и не убоился исповѣдать это во всеуслышаніе. „Братья протестанты! писалъ онъ: взгляните на церковь, которую основалъ Христосъ и которую Онъ въ совершенной истинѣ доведетъ до окончанія міра. Эта церковь была обезображена въ Римѣ. Вы захотѣли ее очистить, преобразовать; но въ вашемъ дѣланіи исчезла совсѣмъ церковь. Взгляните же на востокъ—ex Oriente lux! (съ востока свѣтъ!). Тамъ не было надобности предпринимать опасный процессъ очищенія вѣры, потому что эта церковь пребываетъ такою, какою и была — неизмѣнною въ православной вѣрѣ“¹⁾.—Къ этому голосу нѣмца, католика, а потомъ протестанта, можемъ ли прибавить что нибудь еще мы сами, православные,—да и нужно ли что прибавлять? Не все ли сказано этимъ ужъ конечно безпристрастнымъ человѣкомъ изъ вражескаго стана—о истинности и рѣшительнѣйшемъ превосходствѣ нашего Православія предъ всѣми прочими и христіанскими исповѣданіями?!...

¹⁾ Свѣтъ съ востока, Овербека. Пер. съ нѣм. 1867 г.

Конечно, всегда была и теперь безъ сомнѣнія есть въ средѣ и нашего православнаго общества масса людей, которые отвергаютъ многое изъ ученія и древнихъ уставовъ и правилъ нашей церкви; многіе и многое стараются въ жизни церкви Православной перетолковать по-своему, многого не соблюдаютъ, надъ многими даже глумятся, издѣваются. Какъ всегда находились и находятся люди безумные, говорящіе „въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“, такъ же точно никогда конечно не изсякнутъ съ лица грѣшной земли и „мужіе, глаголющїи развращенная“ (Дѣян. XX, 30), „лжеучители, ихъ же ради *путь истинный* хулится“. Но святая церковь Православная, водимая во всѣхъ путяхъ своихъ Промысломъ Божиимъ, осѣняемая Духомъ Святымъ и руководимая Господомъ Христомъ, „во вся дни до скончанія вѣка“ въ ней пребывающимъ, никогда не сдавалась и не будетъ сдаваться ни на какія уступки и сдѣлки, ради модной и, какъ многіе силятся доказать, просвѣщенной „современности“. Она всегда выше всякой человѣческой и земной мелочности и суетности; она всегда пребываетъ единою, неизмѣнною и строго вѣрною основному своему принципу: *хранитъ истинное христіанство въ его древней евангельской чистотѣ, апостольской и святоотеческой црлности и неприкосновенности.*

Этотъ принципъ Православія вытекаетъ изъ *существа* ученія Христова: какъ единъ и неизмѣненъ Онъ, „Иисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки“ (Евр. XIII, 8), такъ должна пребыть всегда неизмѣнна и „едина вѣра“, возвѣщенная Имъ (Еф. IV, 5).

Этотъ *принципъ* Православія есть и единственно здравый, вѣрный и *мудрый*: развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не явно ослѣпленіе и безуміе тѣхъ, которые осмѣливаются возставать на чистоту ученія Православнаго и въ оправданіе свое утверждаютъ, что богоустановленнымъ правиламъ церковной жизни можно давать иной, болѣе правильный видъ, что богооткровенное ученіе вѣры можно усовершенствовать и развивать по своему воззрѣнію, наравнѣ съ науками и всѣми вообще всегда несовершенными человѣческими знаніями? Развѣ не явно безумствуютъ, такимъ образомъ, признающіе, что дѣло Божіе можетъ и должно подлежать человѣческому исправленію и усовершенствованію?!

Этотъ *принципъ* Православія есть и единственно надежный и *спасительный* въ религіозной жизни человѣка и уже оправданный всею исторіею: въ этомъ съ такою очевидностію, отрицательнымъ путемъ, убѣждаетъ насъ церковь католическая, принципу этому измѣнившая и за то теперь очевидно саморазлагающаяся. Въ этомъ, также отрицательнымъ путемъ, убѣждаютъ насъ, кстати сказать, и наши раскольники, въ неразуміи своемъ отдѣлившіеся отъ единства церковнаго и зато разсѣявшіеся какъ овцы безъ пастыря, разбившіеся почти на столько же сектъ и толковъ, сколько у нихъ головъ. Но больше всего насъ, уже положительнымъ путемъ, убѣждаетъ въ томъ вся исторія самого Православія, нераздѣльнаго, единого, всегда и всецѣло себѣ вѣрнаго, и зато всегда непоколебимо стойкаго, непобѣдимо мощнаго духомъ своимъ, неодолимаго ни для какихъ силъ земныхъ.

Наконецъ, этотъ *принципъ* Православія и прямо намъ указанъ и *завѣщенъ* боговдохновенными проповѣдниками и изъяснителями Православнаго христіанства: ясно предвидя опасность для истины Христовой со стороны самонадѣяннаго и самозаконнаго ума чело-вѣческаго, они такъ часто и такъ настойчиво внушали непреклонную стойкость въ возвѣщенномъ ими ученіи: „Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь и утверждайтесь!“ (1 Кор. XVI, 13) „Братіе, стойте и держите преданія, имъ же научитесь“ (2 Сол. II, 15). Какъ бы напередъ предостерегая отъ столь сильнаго и вліятельнаго для насъ соблазна „современности“ и моднаго „прогресса“, больше всего ратующихъ, какъ говорятъ, на „консерватизмъ“ Православія, великіе и святыя устроители его изъ глубины вѣковъ уже зывали къ намъ: „Не сообразуйтесь вѣку сему!“ (Рим. XII, 2). „Любы міра сего вражда Богу есть“ (Іак. IV, 4). Какъ бы прямо имѣя въ виду позднѣйшихъ непризнанныхъ и непризнанныхъ реформаторовъ и новоявленныхъ толковниковъ христіанства, его истинные толковники и апостолы настойчиво предупреждали насъ: „блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая фило-софією и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Кол. II, 8). Предвидя всю роковую опасность новыхъ лжеученій „по стихіямъ міра“ - то сего для людей немощныхъ вѣрою, апостолы съ такою необычайною энергією завѣщали не вѣрить даже имъ самимъ, не вѣрить даже ангелу небесному—„аще благо-вѣститъ вамъ иче, еже благовѣстихомъ!“ (Гал. I, 8).

Въ сегодня совершенномъ многознаменательномъ и глубокопоучительномъ Торжествѣ Православія святая церковь Православная во услышаніе всего міра, торжественно отрелася отъ всѣхъ, что либо въ ней отрицающихъ; предала анаѳемѣ, отлученію отъ себя, всѣхъ тѣхъ, которые несоблюденіемъ ея требованій и уставовъ такимъ образомъ фактически сами отлучились отъ единства съ нею. Въ тысячу пятьдесятъ третій разъ церковь Православная нынѣ громко повторила свои апостольскіе и соборные символы, чтобы весь міръ зналъ, во чтѣ она вѣруетъ, что пріемлетъ и соблюдаетъ, чтобы весь міръ памятовалъ ея апостольское происхожденіе и званіе, и ни на минуту не усомнился въ ея Православіи ¹⁾. Какъ открытое исповѣ-

¹⁾ Впервые Торжество Православія совершено было на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ въ 842 году. Но начало и первоначальная форма Торжества относится къ болѣе отдаленнымъ временамъ христіанской древности. Основаніе его опирается на практику еще можно сказать первыхъ дней христіанства, когда сами святые апостолы стояли на стражѣ Православія и выдающихъ нарушителей его святыни и чистоты предавали отлученію (1 Коринѣ. V, 4—5; также: XVI, 22; Гал. I, 8—10; 2 Сол. III, 6; 2 Іоан. ст. 10—11). Начало же Торжества Православія, какъ особаго обряда церковнаго, можно усматривать въ III вѣкѣ; по крайней мѣрѣ Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что въ его время въ разныхъ мѣстахъ Греціи составлялись священныя собранія, на которыхъ между прочимъ *благочестно торжествовалась слава всего христіанства* (Тертул. О постѣ, гл. 13). На вышеупомянутомъ Константинопольскомъ соборѣ 842 года, по случаю окончательнаго ниспроверженія иконоборческой ереси, положительно узаконено было ежегодное совершеніе Торжества Православія для всей христіанской церкви и на всѣ времена. Полный богослужебный чинъ Торжества Православія составленъ былъ нѣсколько позднѣе, въ 847 году, Меѳодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ. Пере-

даніе своей чистоты и своего Православія, церковь наша изъ года въ годъ совершаетъ этотъ знаменательнѣйшій обрядъ Торжества Православія, который только по неразумію и недомыслію подвергается въ обществѣ нареканіямъ; церковь предаетъ нарушающихъ ея ученіе и уставы анаѳемѣ, т. е. не проклятію, какой страшный смыслъ обыкновенно у насъ въ жизни неточно соединяють съ этимъ словомъ, а только совершенно законному, понятному и совмѣстимому съ христіанскимъ милосердіемъ, но вынуждаемому однако справедливостію *отдѣленію* изъ своей среды, *отлученію* отъ общества вѣрующихъ. Это ежегодное исповѣданіе своего Православія, такъ сказать ежегодная исповѣдь себя и освобожденіе отъ членовъ недостойныхъ придаютъ церкви Православной только еще большую силу противъ всѣхъ посягательствъ на ея единство, святость

шедши въ нашу русскую церковь съ самаго ея начала, чинъ Православія нѣсколько измѣнился въ смыслѣ большей его полноты и торжественности. Такъ, списокъ лицъ, подвергаемыхъ анаѳематствованію, со временемъ значительно увеличился присоединеніемъ именъ русскихъ еретиковъ, расколоучителей, общенародныхъ злодѣевъ и государственныхъ преступниковъ. Съ другой стороны списокъ благословляемыхъ и ублажаемыхъ хранителей и покровителей Православія значительно обогатился именами отечественныхъ ревнителей благочестія и защитниковъ русской Православной церкви. Въ то же время чинъ Православія получилъ у насъ наибольшую торжественность и грандіозное величіе. Особенно великолѣпно совершалось, какъ у насъ тогда называли, «дѣйство Православія» въ XVI и XVII стол., въ Москвѣ. Совершалось оно всенародно и открыто, на площади кремлевскихъ соборовъ, при активномъ участіи въ немъ даже самого государя. И въ настоящемъ, уже значительно сокращенномъ и менѣе церемоніальномъ составѣ и видѣ, Торжество Православія остается у насъ однимъ изъ самыхъ величественныхъ чинопослѣдованій,—поэтому и совершается оно только въ кафедральныхъ соборахъ и при неперемѣнномъ участіи епископа.

и чистоту, — еще большую устойчивость среди вѣчно мятежнаго и непрестанно „воздвигаемаго напастей бурю моря житейскаго“.

Никогда не умолкалъ въ человѣчествѣ святотатственный ропотъ на Божественную истину, возвѣщенную Христомъ Спасителемъ; никогда не прекращалось возстаніе и брань міра сего на наше святое Православіе. И тѣмъ не менѣе всегда и съ теченіемъ времени все больше и больше весь воинствующій міръ долженъ убѣждаться въ постепенномъ паденіи своихъ силъ и въ торжествѣ истины Господней, которая очевидно имѣетъ „пребыти во вѣкъ“. Каждый, можно сказать, новый пережитый годъ все болѣе и болѣе утверждаетъ несомнѣнность той отъ вѣка предреченной истины, что и „врата ада не одолѣютъ“ святой церкви Православной. Во всякомъ случаѣ, прожитые Православіемъ почти девятнадцать вѣковъ для всякаго не только вѣрующаго, а и вообще безпристрастнаго человѣка явно свидѣтельствуютъ, что предъ лицомъ цѣлаго свѣта, на глазахъ всего человѣчества совершилось *величайшее историческое чудо*: царство совсѣмъ не отъ міра сего, не только не располагающее никакими мірскими средствами, приманками, соблазнами, но рѣшительно составшее на міръ и все мірское, — царство уничиженное, безсильное въ мірѣ и какъ ничто и никогда ненавидимое и преслѣдуемое міромъ — побѣдило міръ! Изъ начала своего всею силою человѣческою и злобою адскою гонимое, презираемое и уничтожаемое, Православіе святое, явно обнаруживая свою только чудодѣй-

ственную мощь и только сверхъестественную силу, сохранилось, возросло и побѣдно воцарилось въ мірѣ. Чрезъ посредство и многоученыхъ носителей западнаго прогресса, и совѣтъ неученыхъ вождей нашего темнаго раскола, и наконецъ даже чрезъ посредство всѣмъ конечно извѣстныхъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей нашего національнаго таланта—словомъ, всяческими тайными силами ада до послѣднихъ дней подрываемое и извращаемое, Православіе святое, тѣмъ не менѣе, стоитъ превыше всѣхъ этихъ „уязвленій въ пятю“, стоитъ именно какъ непоколебимый „столпъ и утвержденіе истины“, и—въ знаменіе своей всегдашней побѣды и во свидѣтельство своей неприкосновенной цѣльности, святости и чистоты—изъ года въ годъ все-народно празднуетъ свое величественное „Торжество Православія“.

Было время, въ началѣ своемъ, церковь Православная состояла изъ очень немногихъ единицъ, и очень многіе милліоны напрягали усилія уничтожить эти единицы, но.... многіе милліоны побѣждены немногими единицами! Что же могутъ значить теперь въ необъятной массѣ многихъ милліоновъ православно-христіанскаго міра немногія единицы этихъ упорно-преступныхъ, несчастныхъ въ своемъ гибельномъ заблужденіи и самонадѣянномъ ничтожествѣ искажителей и извратителей Православія, всѣхъ этихъ жалкихъ проповѣдниковъ на разные лады „новаго христіанства“?! Не вразумляетъ ли этихъ неразумныхъ исторія Православія, не убѣждаетъ ли ихъ самымъ очевиднѣйшимъ образомъ она въ томъ, что—какъ поется въ нынѣш-

немъ богослуженіи — Самъ „Господь положилъ утверждение своей церкви *пребыть непреклонною* во вѣки вѣковъ отъ смятенія ересей: Божія бо сила Православіе удержала есть“?! ¹⁾

Во всякомъ случаѣ эта исторія Православія, на которую я сдѣлалъ въ настоящей бесѣдѣ конечно только самое краткое, самое мимолетное указаніе, представляетъ одно изъ нагляднѣйшихъ и сильнѣйшихъ доказательствъ, непререкаемыхъ и очевиднѣйшихъ свѣдѣтельствъ исключительной для всего міра истинности, богоугодности и спасительности Православія.

Знаменательнѣйшая вообще и высокопоучительная для всѣхъ невѣрующихъ и заблуждающихся, исторія Православія для насъ, вѣрующихъ, сверхъ того, полна и самаго отраднаго свѣта, высокихъ утѣшеній. Если Православная вѣра, которую мы исповѣдуемъ, какъ утверждаетъ исторія, есть именно та самая, которую содержала первенствующая Христова церковь, то возможно ли усомниться въ ея истинности?! Если Православное ученіе, которому мы послѣдуемъ, есть именно то самое, неизмѣнное и ненарушимое, какое проповѣдалъ Самъ Христосъ и раскрыли Его святые апостолы, разъяснили святые отцы и учителя церкви, то можетъ ли оно быть не спасительно?! Если Православныя таинства, которыя мы приедемъ, тѣ же, какія были въ церкви еще апостольской и совершаются такъ же, какъ совершались при апостолахъ и святыхъ отцахъ во вселенской церкви, то сомнѣній нѣтъ, они божественны и мы при-

¹⁾ Канонъ Феодана Исповѣдника, пѣсни 5 и 2.

емлемъ въ нихъ вседѣйствующую благодать Божию. Если Православное богослуженіе, въ которомъ мы участвуемъ, неизмѣнно то же, какое совершалось въ апостольское и святоотеческое время, стало бытъ оно правильно и богоугодно. Если Православные пастыри наши преемственно и непрерывно сохраняютъ рукоположеніе апостольское и имѣютъ власть, переданную имъ чрезъ апостоловъ отъ Іисуса Христа, то стало бытъ, повинаясь такимъ пастырямъ, мы повинемся самому Христу, и слушая ихъ — слушаемъ самого Христа. — Если все это такъ, если во всемъ этомъ съ несомнѣнною очевидностію удостовѣряетъ насъ исторія, то мы и получаемъ отраднѣйшую возможность — съ чувствомъ невыразимой благодарности Господу, въ Православіи нашемъ благодѣтельствующему намъ, *совершенно сознательно и всецѣло убѣжденно* провозглашать, вмѣстѣ съ церковію, про наше святое, единое въ мірѣ истинное и единственно въ мірѣ спасающее Православіе: „сія вѣра Апостольская, сія вѣра Отеческая, сія вѣра Православная, сія вѣра вселенную утверди!“

